
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. М. ДВИНЯТИНА

ПУШКИН НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКОВ И ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК БУНИНА

- А вы часто перечитываете «Повести Белкина»?
- В нормальной обстановке едва ли не раз в месяц.

*И. Бунин, отвечая А. Бахраху.
Начало 1940-х¹*

И дневники, и записные книжки И. А. Бунина сохранились отрывочно, многие из них были уничтожены самим писателем, не желавшим оставлять их досужим взглядам посторонних. Наиболее полно до нас дошли дневники Бунина за 1916–1919, 1921–1922 и 1940–1945 годы, записи иных лет охватывают лишь отдельные дни и месяцы его долгой жизни.² Записные книжки, которые Бунин, по всей вероятности, вел в разные годы своей писательской работы, известны только поздние: первая из десяти уцелевших записных книжек начата не раньше конца 1930-х годов.³ Поэтому все приведенные ниже записи и фрагменты — это заведомо лишь малая часть определенно бывших и во многом утраченных записей Бунина о Пушкине, так что в особо значимых случаях нам придется

---

¹ Бахрах А. В. Бунин в халате: По памяти, по записям / Сост., вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М., 2006. С. 102.

² Бунин И. А. Дневники. 1885–1953 гг. / Предисл., подгот. текста и примеч. Т. М. Двинятиной, О. А. Коростелева, С. Н. Морозова // И. А. Бунин: Новые материалы и исследования: В 4 кн. М., 2022. Кн. 2 / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. С. 5–441 (Литературное наследство. Т. 110).

³ Бунин И. А. Записные книжки / Предисл., подгот. текста и примеч. Е. Р. Пономарева // Там же. С. 442–590.

дополнять их выписками из других его сочинений.⁴ С такого случая и начнем.

В 1926 году Бунин отвечал на вопросы газеты «Возрождение» о своем отношении к Пушкину:

В одном моем рассказе⁵ семинарист спрашивает мужика:

— Ну, а скажи, пожалуйста, как относятся твои односельчане к тебе?

И мужик отвечает:

— Никак они не смеют относиться ко мне.

Вот вроде этого и я мог бы ответить:

— Никак я не смею относиться к нему... <...>

И все-таки долго сидел, вспоминал, думал. И о Пушкине, и о былой, пушкинской России, и о себе, о своем прошлом...⁶

Через два года ответ на вопросы газетной анкеты был перенесен в пушкинскую главу «Жизни Арсеньева» (кн. 3, гл. VIII), построенную Буниным на собственных впечатлениях ранних лет, как и многие другие части этой «вымышленной автобиографии».⁷ Приведем фрагмент, задающий тон всей главе (в газетной заметке текст значительно больше):

Когда он вошел в меня? Я слышал о нем с младенчества, и имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью, как имя человека вполне «нашего» по тому обществу, особому кругу, к которому мы принадлежали вместе с ним. Да он и писал все только «наше», для нас и с нашими чувствами. Буря, что в его стихах мглой крыла небо, «вихри снежные крутя», была та самая, что бушевала в зимние вечера вокруг Каменского хутора. Мать иногда читала мне (певуче и мечтательно, на старомодный лад, с милой, томной улыбкой): «Вчера за чашей пуншевою с гусаром я сидел», — и я спрашивал: «С каким гусаром, мама? С покойным

---

⁴ При этом, за исключением приводимых далее ответов на вопросы газеты «Возрождение», носящих характер личного авторского признания, мы не будем привлекать пушкинские контексты в критике и публицистике Бунина, как, например, оценку Пушкиным поэзии Баратынского, которую Бунин излагает в статье «Е. А. Баратынский» (1900), и др.

⁵ Далее приводится неполная и несколько измененная цитата из рассказа Бунина «Будни» (1913).

⁶ Бунин И. А. Думая о Пушкине // Возрождение (Париж). 1926. № 373. 10 июня (цит. по: Бунин И. А. Публицистика 1918—1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Вступ. ст. О. Н. Михайлова; Комментар. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М., 1998. С. 204).

⁷ Ходасевич В. Ф. О «Жизни Арсеньева» // Возрождение. 1933. № 2942. 22 июня.

дяденькой?»⁸ Она читала: «Цветок засохший, безуханный, забытый в книге, вижу я», — и я видел этот цветок в ее собственном девичьем альбоме... Что же до моей юности, то вся она прошла с Пушкиным.⁹

Ощущение своей органической соприродности пушкинскому миру, живая связь с ним — константа всей жизни Бунина. В его личной мифологии, в том сюжете, который Бунин сам строил из отдельных фрагментов своей биографии, огромную роль играло родство с В. А. Жуковским, литературным «крестным» Пушкина, незаконным сыном Афанасия Ивановича Бунина (1716—1791) и пленной турчанки Сальхи (1754—1811).¹⁰ Согласно «Родословной рода Буниных», составленной Ю. С. Ртищевым,¹¹ это родство было глубоким и дальним: отец Афанасия Бунина Иван Лукич Бунин (ум. 1738) приходился родным братом прапрадеду Бунина Дмитрию Лукичу, В. А. Жуковский — троюродным братом прадеду Бунина Дмитрию Семеновичу.¹² К древнему дворянскому роду Буниных принадлежали и крестная мать (и сводная сестра) Жуковского Варвара Афанасьевна Юшкова (урожд. Бунина; 1768—1797), и Мария Андреевна Протасова (1793—1823), возлюбленная Жуковского, и «русская Саф», Анна Петровна Бунина (1774—1829), старшая современница Пушкина. Из связанного с Буниными рода Чубаровых происходила и мать Бунина, Людмила Александровна,¹³ и Бунин «смешивал ее, молодую, — то есть воображаемую молодую, — с Людмилой из Пушкина».¹⁴

Весной 1874 года, когда Бунину было три года, семья поселилась на хуторе Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии (в «Жизни Арсеньева» — Каменка). «Тут, в глубочайшей полевой тишине, летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сутробов, и прошло все мое детство, полное поэзии печальной и своеобразной», — напишет Бунин в «Автобиографической заметке»

⁸ Имеется в виду брат матери Бунина Иван Александрович Чубаров (1833—1861).

⁹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 6. С. 126; цитируются стихотворения Пушкина «Зимний вечер», «Слеза» и «Цветок».

¹⁰ В крещении — Елизавета Деметьевна Турчанинова. В одном из вариантов автобиографии Бунин путает ее с Сальмой, матерью В. В. Капниста (см.: Там же. Т. 9. С. 267).

¹¹ Юрий Сергеевич Ртищев (1879—1975) — генеалог, генеральный секретарь (с 1949 г.) Союза русских дворян во Франции.

¹² См.: Ртищев Ю. С. Родословная рода Буниных (Париж, 1946) // Русский архив в Лидсе (РАЛ). MS 1066/638.

¹³ Девичья фамилия ее матери — Бунина.

¹⁴ Бунин И. А. Думая о Пушкине. С. 208.

Василий Андронасевич
Жуковский
Бунинъ

К столетию со дня смерти В. А. Жуковского.

Георг Вильгельм Тимм. Портрет В. А. Жуковского (1852).
Вырезка из печатного издания с исправленной подписью И. А. Бунина.
Не ранее 1950 г. РАЛ. MS 1066/633¹⁶

1915 года.¹⁵ Его самые первые и яркие впечатления представляли живыми картинами пушкинских строк: морозное солнечное утро («Зимнее утро») — охота («Зима. Что делать нам в деревне?..») — вечерняя Венера («К Делии») — вечерний соловей («Певец») — ночные видения («К Морфею») — осенний лес и конные прогулки

¹⁵ Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 254.

¹⁶ Иллюстрации, представляющие материалы РАЛ (Русский архив в Лидсе), подготовлены благодаря любезной помощи заведующего РАЛ Ричарда Д. Дэвиса и публикуются с разрешения архива. © The Ivan and Vera Bunin Estate (University of Leeds, Great Britain).

по полям («19 октября», 1825) — мечтания о пока еще выдуманной далекой любви («Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...»)... Об этом ощущении Пушкина в своей жизни с самых ранних лет Бунин говорит и в «Жизни Арсеньева», и (подробнее) в ответах на вопросы газеты «Возрождение»: «Имя его я <...> узнал <...> не от учителя, не в школе: в той среде, из которой я вышел, тогда говорили о нем, повторяли его стихи постоянно».¹⁷

Детство Бунина — это детство Петруши Гринева, который «рос недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками» (VIII, 280), — только 12-летний Бунин, приехав из Ельца на летние каникулы и «начитавшись за зиму Майн Рида и Купера», играл с товарищем не в чехарду, а в индейцев, и вместо голубей ловил перепелов и коростелей.¹⁸ Сам его отъезд в елецкую гимназию из родного дома схож с отъездом Петруши в Оренбург, хотя и без Савельича — бунинский губернатор Николай Осипович Ромашков, выучивший его читать по «Одиссее» Гомера, остался к тому времени в прошлом.

Отличие от пушкинского героя — в раннем понимании поэтичности как всепроникающей и всё связующей ткани жизни. Это чувство определило в Бунине главное — самосознание себя поэтом и «повышенный душевный строй, как прирожденный, так и благоприобретенный за чтением поэтов, непрестанно говоривших о высоком назначении поэта, о том, что “поэзия есть бог в святых мечтах земли”, что “искусство есть ступень к лучшему миру”».¹⁹ В «Жизни Арсеньева» Бунин переводит лицейские строфы восьмой главы «Евгения Онегина» на свою юность: «Ни лицейских садов, ни царскосельских озер и лебедей, ничего этого мне, потомуку

¹⁷ Бунин И. А. Думая о Пушкине. С. 208.

¹⁸ См.: Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. ст., примеч. А. К. Бабореко. М., 2007. С. 50, а также в воспоминаниях старшего брата Бунина Е. А. Бунина: «У Вани был свой Пятница, когда он представлял из себя Робинзона. <...> ...они с товарищем по целым дням плавали в индейских костюмах на пирогах с шестами, крича: “Кикериккй, кикериккй, я аллигатор с соседней реки!” — и сражались стрелами»; там же — об охоте на птиц как любимом занятии братьев Буниных (Бунин Е. А. Раскопки далекой темной старины / Предисл. и публ. А. К. Кувановой // Иван Бунин: [Сб. материалов]: В 2 кн. М., 1973. Кн. 2. С. 230, 228–229 (Литературное наследство. Т. 84)).

¹⁹ Бунин И. А. Собр. соч. Т. 6. С. 117. В другой главе «Жизни Арсеньева» Бунин скажет: «Повышенная впечатлительность, унаследованная мной не только от отца, от матери, но и от дедов, прадедов, тех весьма и весьма своеобразных людей, из которых когда-то состояло русское просвещенное общество, была у меня от рождения. Баскаков (его прототипом был Н. О. Ромашков. — Т. Д.) чрезвычайно помог ее развитию» (Там же. С. 30–31).

“промотавшихся отцов”, в удел уже не досталось. Но великая и божественная новизна, свежесть и радость “всех впечатлений бытия”, но долины, всегда и всюду таинственные для юного сердца, но сияющие в тишине воды и первые, жалкие, неумелые, но незабвенные встречи с музой — все это у меня было». ²⁰

Когда Бунин, оставив на четвертом году учения гимназию и поселившись в Озёрках (последнем имении обнищавшей семьи, в «Жизни Арсеньева» — Батурино), занялся самообразованием, он, по собственным словам, читал «что попало: и старые и новые журналы, и Лермонтова, и Жуковского, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколея, и Шекспира, и Белинского...» и в первых поэтических опытах «подражал <...> больше всего Лермонтову <...>. Потом пришла настоящая любовь к Пушкину, но наряду с этим увлечение, хотя и недолгое, Надсоном...» ²¹ Под влиянием «Евгения Онегина» в феврале — марте 1887 г. сочинял поэму «Петр Рогачев». ²² На обложке самодельной тетради стихов того времени («Ив. А. Бунин. Сочинения стихотворные. Книга 5-ая. Стихотворения» от 15 января по 15 февраля и 15 марта. 1887 год. дер. Озёрки, 4 февр.) спустя много лет написал: «Это обложка одной из тех тетрадей, что я сшивал собственноручно для своих “сочинений”. В почерке — подражал Пушкину». ²³

В 1890 году 20-летний Бунин пишет поэтическое «Подражание Пушкину», начинающееся словами: «От праздности и лжи, от суетных забав / Я одинок бежал в поля мои родные...» — и построенное как парафраз пушкинских цитат. ²⁴ «Обратное» бегство — к морю — тоже несет в себе пушкинские коннотации. Так, оказавшись в начале лета 1896 года в Крыму, Бунин минимальными штрихами отмечает в дневнике: «Байдары, Южный берег. Ночевка

²⁰ Там же. С. 93.

²¹ Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 259.

²² Поэма задумывалась в трех песнях, из которых была написана только первая. Авторская дата: «Начата 27 февраля, кончена 5 марта 1887 года. Сельцо Озёрки, Ел<ецкого> уезда». См.: Гольдин С. Л. О литературной деятельности И. А. Бунина конца восьмидесятых — начала девяностых годов // Учен. зап. Орехово-Зуевского пед. института. М., 1958. Т. 11. Кафедра литературы. Вып. 3. С. 41–48.

²³ См.: Иван Бунин: [Сб. материалов]: В 2 кн. Кн. 2. С. 133 (Литературное наследство. Т. 84). О подражании Пушкину «даже в почерке» Бунин скажет еще не раз, см.: Бунин И. А. 1) Собр. соч. Т. 9. С. 259; 2) Думая о Пушкине. С. 204.

²⁴ См.: Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т. М. Двигятиной. СПб., 2014. Т. 1. С. 128–129, 451–452 (коммент.) («Новая Библиотека поэта»).

в Кикенеизе. Ялта, Аю-Даг»,²⁵ в поздних записях подробно расскажет о приезде в Гурзуф, восхождении на Аю-Даг и как особое воспоминание добавит: «Вторая ночь в Гурзуфе — Пушкин, Раевский...»,²⁶ в записную книжку 1944 года отдельной строкой впишет: «Пушкин был в Хан-Сарае (ханский дворец) в Бахчисарае в августе 1820 г.»²⁷ На воображаемом слиянии своих южных впечатлений с пушкинскими Бунин заканчивает заметки о Пушкине, свой самый полный текст, ему посвященный: «...первые поездки на Кавказ, в Крым, где он — или я? — “среди зеленых волн, лобзующих Тавриду”, видел Нереиду на утренней заре, видел “деву на скале, в одежде белой над волнами, когда, бушующая в бурной мгле, играло море с берегами” — и незабвенные воспоминания о том, как когда-то и мой конь бежал “в горах, дорогою прибрежной”, в тот “безмятежный” утренний час, когда “все чувство путника манит” —

И зеленеющая влага
Пред ним и плещет и шумит
Вокруг утесов Аю-Дага...»²⁸

С годами отношение Бунина к Пушкину становится и глубже, и богаче: «Вспоминаю, уже не подражания, а просто желание, которое страстно испытывал много, много раз в жизни, желание написать что-нибудь по-пушкински, что-нибудь прекрасное, свободное, стройное, желание, проистекавшее от любви, от чувства родства к нему, от тех светлых (пушкинских каких-то) настроений, что Бог порою давал в жизни».²⁹ И дальше в ряду своих сочинений, созданных

---

²⁵ Бунин И. А. Дневники. С. 18. Эта запись была внесена Буниным и в «Автобиографический конспект», где в записях 1898 года снова упоминаются: «Ялта, гостиница возле мола. Ходили в Гурзуф. На скале в Гурзуфе вечером» (И. А. Бунин: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 601, 612; 602).

²⁶ См.: Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 347–348.

²⁷ Бунин И. А. Записные книжки. С. 489. Бунин ошибся: Пушкин с Раевскими был в Бахчисарае 7–8 сентября 1820 года (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1: 1799–1824. С. 200–201).

²⁸ Бунин И. А. Думая о Пушкине. С. 210; курсив автора. Цитируются стихотворения Пушкина «Нереида», «Буря» и последние строки поэмы «Бахчисарайский фонтан».

²⁹ Там же. С. 205. Кроме названных дальше текстов Бунин в разное время будет говорить о своих стихотворениях «Молодой король» и «Игроки» как прямо восходящих к пушкинским сюжетам (см.: Там же. С. 204–205; Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 370), о Петербурге скажет: «Петром и Пушкиным созданный» (стихотворение «День памяти Петра», 1925), а написанное к 100-летию Пушкина стихотворение «26 мая» (1899) сам будет считать слабым и в своем издании не включит (в связи с этим юбилеем, который Бунин застал в Одессе, см. его позднее воспоминание в: Бунин И. А. Записные книжки. С. 498).

под влиянием этих настроений, Бунин называет — удивительно — прежде всего «итальянские» стихотворения «У гробницы Вергилия» (1916), «В Сицилии» (1912), «Помпея» (1916), и затем уже «русские» — «Псковский бор» и «Дедушка в молодости». Два последних написаны в июле 1912 года, когда Бунин с женой гостили у А. С. Черемнова и М. П. Миловидовой в имении Клеевка, относившемся тогда к Себежскому уезду Витебской губернии (сейчас эти земли входят в Псковскую область). То «лето в псковских лесах» Бунин вспоминал как отмеченное постоянным «соприсутствием Пушкина», когда писать стихи ему было особенно легко:³⁰ в Клеевке написано 19 из 35 стихотворений его будущей книги «Иоанн Рыдалец: Рассказы и стихи, 1912—1913 гг.» (1913).³¹

Конец 1900-х годов — время наибольшего признания Бунина-поэта. Он дважды — в 1903 и 1909 годах — удостоивается Пушкинской премии, самой высокой ежегодной награды Императорской Академии наук,³² в 1909 году избирается почетным академиком по разряду изящной словесности. Принадлежность классической линии русской поэзии становится неотъемлемой частью его литературной репутации. «На фоне русского модернизма поэзия Бунина выделяется как хорошее старое. Она продолжает вечную пушкинскую традицию и в своих чистых и строгих очертаниях дает образец благородства и простоты», — пишет о нем Ю. И. Айхенвальд.³³

³⁰ Бунин И. А. Думая о Пушкине. С. 207. См. также в «Автобиографическом конспекте»: «1912 г. Лето: Готово, потом Клеевка. Много стихов» (И. А. Бунин: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 609).

³¹ К биографическим параллелям кроме Крыма и близких к Михайловскому «псковских лесов» можно отнести и ярмарки. Посещая их и в Ельце, и в Готове, где он часто проводил у родных летние месяцы в 1900—1910-х годах, Бунин оказывается в положении Пушкина, который в 1825—1826 годах приходил на ярмарки в Святых Горах и слушал там песни и духовные стихи нищих и слепцов: «...шатаюсь по деревням, по ярмаркам, — уже на трех был, — завел знакомства с слепыми, дурачками и нищими, слушаю их песнопения и т. д.», — писал Бунин брату Ю. А. Бунину в августе 1897 года (Бунин И. А. Письма 1885—1904 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Подгот. текста и коммент. С. Н. Морозова, А. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М., 2003. С. 241—242). На «Кирики» 1911 года (15 (28) июля, день памяти святых мучеников Кирика и Иудитты, которым был посвящен день в Казанской церкви в Готове) Бунин не только посещает ярмарку, но и оставляет в дневнике подробные описания нищих и калек, встреченных им у церкви, полагая использовать эти заметки в будущих рассказах.

³² В 1903 году Бунин разделил премию с П. И. Вейнбергом, в 1909 году — с А. И. Куприным.

³³ Айхенвальд Ю. И. Иван Бунин // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1910. Вып. 3. С. 113.

*И. А. Бунин после избрания почетным академиком.
Санкт-Петербург, ноябрь 1909. Фотография Д. С. Здобнова.
Лит. музей ИРЛИ*

С этим были согласны и сами представители русского модернизма: А. А. Блок отмечал у Бунина «простоту и четкость пушкинского стиха»,³⁴ И. Ф. Анненский объяснял поэтические достоинства Бунина тем, что тот «ничего не ищет. За него все нашел раньше

---

³⁴ Блок А. О лирике // Блок А. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 2003. Т. 6. С. 70 (впервые: Золотое руно, 1907. № 6).

Пушкин...»³⁵ и т. д. Но споров и притязаний говорить «от имени Пушкина» и как будто от его лица давать оценки своим оппонентам это не останавливало. 5 мая 1918 года Бунин, и прежде известный громоподобной критикой современной поэзии,³⁶ напишет в дневнике: «Как дик культ Пушкина у поэтов новых и новейших, у этих плебеев, дураков, бестактных, лживых — в каждой черте своей диаметрально противоположных Пушкину. И что они могли сказать о нем, кроме “солнечный” и т<ому> п<о>добных> пошлостей! А ведь сколько говорят!»³⁷

Невероятная экспрессивность этого высказывания, пришедшего на Пасху 1918 года, связана не только с давним неприятием Буниным модернистов, но и, конечно, с событиями русской революции, тем крахом всей прежней жизни, в котором Бунин винил прежде всего «наш<у> интеллигенци<ю>», — это подлое племя, совершенно потерявшее чутье живой жизни и изолгавшееся насчет совершенно неведомого ему народа...»³⁸

К причинам постигшей Россию катастрофы Бунин будет возвращаться все последующие годы. В апреле 1921 года (после Кронштадтского восстания, в котором многие в эмиграции — но не Бунин — увидели «начало конца»³⁹) он перечитывает «Капитанскую дочку» и заносит в дневник неточные (по памяти?) цитаты:

«Полудикие народы... их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражд<анской> жизни, легкомыслие и жестокость...» («Капит<анская> дочка»). Это чудесное определение очень подходит ко *всему рус<скому>* народу.

«Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, к<ото>рые происходят от улучшения нравов, без всяких нравственных⁴⁰ потрясений...».

³⁵ Анненский И. Ф. Иван Бунин. Сочинения: [Рец. на: Бунин И. А. Собр. соч. СПб.: Знание, 1904–1909. Т. 1–5] // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. 25. [№ 2]. С. 235 (3-я паг.).

³⁶ Вспомним тут только самое шумевшее выступление Бунина с обличением литературы последних лет на юбилее газеты «Русские ведомости» 6 октября 1913 года (см.: Иван Бунин : [Сб. материалов]: В 2 кн. Кн. 1. С. 314–324).

³⁷ Бунин И. А. Дневники. С. 114.

³⁸ Бунин И. А. Письмо П. А. Нилусу от 27 мая 1917 г. // Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Отв. ред. С. Н. Морозов; Подгот. текста и коммент. С. Н. Морозова, Р. Д. Дэвиса, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М., 2007. С. 387.

³⁹ См.: Бунин И. А. Дневники. С. 145 (запись от 13 марта 1921 г.).

⁴⁰ Так в единственно сохранившейся машинописной перепечатке дневника Бунина, в тексте Пушкина: «насильственных».

«Те, к<ото>рые замышляют у нас переворот, или молоды, или не знают нашего народа, или уже люди жестокосердые, к<ото>рым и своя шейка — копейка и чужая головúшка — полушка...» («Кап<итанская> дочка»).⁴¹

Сам Бунин оттягивал момент отъезда из России до последнего, долго не поддавался на уговоры друзей, уплыл из Одессы буквально на последнем пароходе, когда красные уже входили в город. В конце марта 1920 года он оказался во Франции, после двух с половиной лет почти непрерывных мучений — в самом центре культурной жизни русского зарубежья. Позже он вспоминал:

...Париж <...> встретил нас не только радостной красотой своей весны, но и особенным многолюдством русских, многие имена которых были известны не только всей России, но и Европе, — тут были некоторые уцелевшие великие князья, миллионеры из дельцов, знаменитые политические и общественные деятели, депутаты Государственной Думы, писатели, художники, журналисты, музыканты, и все были, невзирая ни на что, преисполнены надежд на возрождение России и возбуждены своей новой жизнью и той разнообразной деятельностью, которая развивалась все более и более на всех попрощах.⁴²

На волне этих настроений меньше чем через месяц после приезда в Париж, 25 апреля 1920 года, Бунин и его жена Вера Николаевна Муромцева (Бунина) посещают создателя и хранителя первого пушкинского музея А. Ф. Онегина, жившего на ул. Мариньян (25, rue de Marignan) близ Елисейских Полей. В дневнике жены Бунина за 26 апреля читаем: «Вчера были в музее Онегина. И трогательно, и печально, и как настоящее, нужное мешается с пустяками, ненужным. Онегин — глубокий старик, с неприятным характером, от старости, от заброшенности, от недостатка денег для музея. Много волнующего в этих вещах, но есть и ненужные вещи, вроде балетных

---

⁴¹ Бунин И. А. Дневники. С. 146. В течение дней бунинской жизни это чтение попадает между панихидой по погибшему три года назад генералу Л. Г. Корнилову («плакал о России», — напишет Бунин в дневнике) и чтением исторических томов С. М. Соловьева и А. И. Герцена. Следующая затем запись — о похоронах адвоката Е. И. Кедрина (защитника народовольцев), они приходится на Светлую неделю (Пасха — 1 мая), — заканчивается словами: «Все как будто хоронил я — всю прежнюю жизнь, Россию...» (Там же. С. 146–149; запись от 13, 17, 21 апреля, 6 мая 1921 г.).

⁴² Бунин И. А. «Третий Толстой» // Бунин И. А. Воспоминания. Париж, 1950. С. 228–229.

туфелек, например».⁴³ Можно только предполагать, что визит не имел большого успеха, иначе мимо внимания Бунина (хотя его дневников того времени не осталось) и его жены едва ли прошло бы, что в тот день они оказались среди подлинных сокровищ — рукописей и прижизненных изданий Пушкина, книг и альманахов его времени, самых разнообразных примет и предметов пушкинской эпохи, собиранию которых А. Ф. Онегин посвятил к тому моменту уже более 40 лет.⁴⁴ По условиям заключенного между Онегиным и еще Императорской Академией наук в 1909 году договора эта уникальная коллекция была в 1927 году передана в Пушкинский Дом и заложила основу его собрания. Вместе с ней в Пушкинский Дом поступил и личный архив А. Ф. Онегина, и в нем гостевая книга онегинского музея, где на 10 октября (день рождения Бунина по старому стилю) помещена его фотография, очевидно подаренная владельцу в день парижской встречи. Надпись на ней гласит: «Ив. Бунин. Лето 1918 г., после бегства из Москвы, под Одессой».⁴⁵

Случайно или не случайно, посещение Буниным Онегина совпало с развитием одной из главных тем в эмигрантских разговорах весны 1920 года и вообще первых лет жизни во Франции. Через день после визита на ул. Мариньян Бунины были в гостях у А. Н. и Н. В. Толстых: «Говорили о том, что литература теперь заняла гораздо более почетное место, чем это было раньше. <...> Все поняли, что литература — это в некотором роде хранилище России».⁴⁶ Идея укорененности литературы, и прежде всего поэзии, в наследии прошлого будет прямо выражена в статье Бунина «Июния и Китеж. К 50-летию со дня смерти гр. А. К. Толстого» (1925) и определит его новую художественную манеру, которая отныне будет строиться преимущественно на воспоминании как способе воскрешения ушедшей жизни. Наследование прошлому и своим предкам Бунин

⁴³ Бунина В. Н. Дневник, 1920 г. // РАЛ. MS 1067/367. См. также: Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt am Main, 1981. Т. 2. С. 11.

⁴⁴ См.: Краснобородько Т. И. Хранитель // «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописные книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб., 1997. С. 9–19.

⁴⁵ РО ИРАИ. № 29337. С. 224. Подробнее см.: «Тень Пушкина меня усыновила...». С. 53.

⁴⁶ Бунина В. Н. Дневник, 1920 г. // РАЛ. MS 1067/367. Цит. по: Устами Буниных. Т. 2. С. 12.

понимал в том числе (и прежде всего) буквально. В его записной книжке 1944 года видим следующую выписку: «Пушкин в письме к Рылееву (1825 г.): “Ты сердисься, что я чванюсь своим шестисотлетним дворянством. Как же ты не видишь, что дух нашей

И. А. Бунин. Под Одессой, лето 1918. С надписью Бунина.
РО ИРЛИ. № 29337 (Альбом А. Ф. Онегина). С. 224

словесности отчасти зависит от сословия писателей?»⁴⁷.⁴⁷ Бунин вел свою родословную с XV века⁴⁸ и мог сравнивать ее с пушкинской, вновь и вновь подчеркивая их принадлежность одному миру.⁴⁹

Поэтому и личные встречи с прямыми наследниками Пушкина играли для него особую роль — и остались в его заметках. Так, в избранных записях, включенных в первый том «нобелевского» собрания сочинений (Берлин, 1934–1936), Бунин вспоминает о том, как еще в молодости видел однажды в Москве Александра Александровича Пушкина, сына поэта.⁵⁰

В эмиграции ему доведется встретиться с двумя его детьми, внуками Пушкина. В ноябре 1935 года, поехав в Брюссель с лекцией о Л. Н. Толстом, Бунин познакомится там с Николаем Александровичем Пушкиным (1885–1964) и будет принят у него дома.⁵¹

⁴⁷ Бунин И. А. Записные книжки. С. 491. Цитируется письмо Пушкина к К. Ф. Рылееву (вторая половина июня — август 1825 г.), в оригинале: «Ты сердисься за то, что я чванюсь 600 лет<ним> дворянством (NB. мое дворянство старее). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей?» (XIII, 219).

⁴⁸ См.: Бунин И. А. Автобиографическая заметка (1915) // Собр. соч. Т. 9. С. 253.

⁴⁹ Когда в 1928 году возникла идея серии литературных биографий, Бунин был очень разочарован, что не ему (а Ходасевичу) выпало писать о Пушкине. В «Грасском дневнике» Г. Н. Кузнецовой записаны его слова: «— Это я должен был бы написать “роман” о Пушкине! Разве кто-нибудь другой может так почувствовать? Вот это наше, мое, родное, вот это, когда Александр Сергеевич, рыжеватый, быстрый, соскакивает с коня, на котором ездил к Смирновым или к Вульффу, входит в сени, где спит на ларе какой-нибудь Сенька и где такая вонь, что вздохнуть трудно, проходит в свою комнату, распахивает окно, за которым золотистая луна среди облаков, и сразу переходит в какое-нибудь испанское настроение... Да, сразу для него ночь лимоном и лавром пахнет... Но ведь этим надо жить, родиться в этом!» (Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А. К. Бабореко. М., 1995. С. 93–94). Вспоминаая один из разговоров с Т. И. Краснобородько, скажем, что Бунин создает здесь поэтический образ жизни Пушкина в Михайловском, в этом контексте речь могла идти о его соседях в Тригорском — П. А. Осиповой, ее дочерях Анне и Евпраксии и сыне А. Н. Вульффе.

⁵⁰ «Помню жуткие, необыкновенные чувства, которые испытал однажды (в молодости), стоя в церкви Страстного монастыря возле сына Пушкина, не сводя глаз с его небольшой и очень сухой, легкой старческой фигуры в нарядной гусарской генеральской форме, с его белой курчавой головы, резко белых, чрезвычайно худых рук с костявыми, тонкими пальцами и длинными, острыми ногтями» (Бунин И. А. Из записей // Бунин И. А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин, 1934. Т. 1. С. 24). Судя по упоминанию гусарской формы, речь именно об А. А. Пушкине (1833–1914).

⁵¹ См.: Бабореко А. К. Бунин: Жизнеописание. 2-е изд. М., 2009. С. 307–308. При этом В. Н. Бунина с гимназических лет была хорошо знакома с женой Н. А. Пушкина Надеждой Алексеевной (урожд. Петуникова; 1878–1974).

От той встречи сохранился экземпляр седьмого тома собрания сочинений Бунина (Берлин: Петрополис, 1934) с дарственной надписью: «Дорогой Николай Александрович, счастлив был видеть Вас, — Вас, от дедушки которого пошла мы, писакки, все — и большие, и малые. Ив. Бунин. 19.XI.1935. Bruxelles».⁵²

В 1940—1942 годах Бунин сблизится с Еленой Александровной фон дер Розенмайер (урожд. Пушкина; 1889—1943). Его знакомство с «Леной Пушкиной» (как называла ее В. Н. Бунина, помнившая внучку Пушкина «девочкой-подростком в Трубниковском переулке с гувернанткой»⁵³) состоялось в ниццком доме бывшего дипломата А. В. Неклюдова 6 июня 1940 года, в день рождения ее великого предка, и Бунин в первую очередь обратил внимание на ее внешность: «...крепкая, невысокая женщина, на вид не больше 45, лицо, его костяк, овал — что-то напоминающее пушкинскую посмертную маску».⁵⁴ На протяжении двух следующих лет они не раз встречались в Ницце, 14 июня 1941 года Е. А. фон дер Розенмайер гостила у Буниных в Грассе, — эти дни (и вполне возможно, что их было больше) отмечены в бунинском дневнике того времени.⁵⁵ Когда в 1943 году она умерла, Бунин записал: «...передо мной <...> было существо, в котором текла кровь человека, для нас уже мистического, полубожественного! Она была такая же бездомная, бедная эмигрантка, как все мы, бежавшие из России от большевизма, добывала в Ницце пропитание тяжким трудом, которым и надорвала себя так, что перенесла две операции. Оплатить вторую, которая свела ее в могилу, у меня уже не хватало средств, — их нужно было добывать как милостыню у добрых людей. И я сделал тут все, что мог, но это уже ее не спасло. Так на моих глазах погибла внучка Пушкина!»⁵⁶

О том, что Бунин старался помочь Е. А. фон дер Розенмайер в ее несчастье, говорят отдельные штрихи в его дневнике от 9 октября 1941-го и 5 июля 1942 года,⁵⁷ а также пространная записка

⁵² Елецкий краеведческий музей (ЕКМ). № 11410. За это указание благодарю С. Н. Морозова.

⁵³ Устами Буниных. Т. 3. С. 154 (запись от 8 сентября 1943 г.).

⁵⁴ Бунин И. А. Дневники. С. 245 (запись от 25 июля 1940 г.).

⁵⁵ См.: Там же. С. 313, 314, 330, 332, 371, 432 (записи от 12 и 15 июня, 5 и 15 сентября 1941 г., 10 апреля и 14 ноября 1942 г.).

⁵⁶ РАА. MS 1066/557 (записи Бунина, переписанные В. Н. Буниной).

⁵⁷ 9 октября 1941 г.: «Как живет внучка Пушкина и *чем* добывает себе пропитание!» (предложение отмечено на полях красным карандашом, «чем» подчеркнуто чернилами и дважды — красным карандашом); 5 июля 1942 г.: «Была на почте — Пушкина денег от меня еще не получила. Негодяи!» (Бунин И. А. Дневники. С. 335, 397).

в дневнике В. Н. Буниной, сделанная после известия о смерти «Лены Пушкиной».⁵⁸ В записной книжке Бунина 1944 года осталась заметка на память: «Внучка Пушкина, Елена Александровна, дочь “Сашки”, первенца Пушкина, по мужу фон Розен-Мейер, умерла в Ницце в клинике, после второй операции живота, 14 авг<уста> 1943 г. Одно время была арестована немцами, думавшими, что она еврейка. Я много встречался с ней. Нужно о ней написать».⁵⁹

Точно так же, как о личной утрате, Бунин всегда думал о смерти Пушкина. «Все перечитываю Пушкина, — записывает он в дневнике 12 февраля 1945 года. — Всю мою долгую жизнь, с отрочества, не могу примириться с его дикой гибелью! Лет 15 т<ому> н<азад> я обедал у какой-то герцогини в Париже, на обеде был Henri de Régnier⁶⁰ в широком старомодном фраке, с гальскими усами. Когда мы после обеда стоя курили с ним, он мне сказал, что Дантес приходится ему каким-то дальним родственником — и “que voulez-vous?⁶¹ Дантес защищал свою жизнь!” Мог бы и не говорить мне этого, так-то его мать!»⁶² Мысль о короткой жизни Пушкина и долгой жизни Дантеса не давала Бунину покоя. В записной книжке 1944 года он уже напоминал себе: «Написать о моей встрече с Рильке. Еще об Henri de Régnier. Как он говорил со мной о Дантесе и Пушкине».⁶³ Там же, только несколькими страницами

---

⁵⁸ «Она изучала арабский язык, что когда-то злило Надю <Н. А. Петунникову> — “кривляется”. А по-моему, это понятно — хотела знать язык праотцов. Она была умна, но, вероятно, с трудным характером. Убеждения ниццкие — вера в немцев и ненависть к евреям и большевикам. Гордилась своим родом. Была фрейлиной. Рассказывала об обедах в московском дворце, когда приезжала царская семья. К Яну (домашнее имя Бунина, — Т. Д.) чувствовала большую благодарность, как пишет ее друг французженка» (РАА. MS 1067/413; запись от 8 сентября 1943 г.).

⁵⁹ Бунин И. А. Записные книжки. С. 498. Е. А. Розенмайер была похоронена на городском кладбище Ниццы и через пять лет перезахоронена в общей могиле. В 2007 году на ниццком кладбище Кокад, втором после Сен-Женевьев-де-Буа русском кладбище во Франции, была установлена мемориальная табличка (из пушкинских современников там похоронен А. Н. Раевский). См.: Агишина Г. В истории русской Ниццы дописана еще одна страница // Перспектива / Perspektive. 2007. Oktober. № 8 (41). P. 8—10. За указание этого источника благодарю М. В. Захарову.

⁶⁰ Анри Франсуа Жозеф де Ренье (Régnier; 1864—1936) — французский поэт и прозаик, член Французской академии (1911). Автор рецензий на французские издания книг Бунина «Господин из Сан-Франциско» (Figaro. 1921. 19 décembre), «Деревня» (Figaro. 1923. 20 février), «Чаша жизни» (Figaro. 1924. 8 janvier), «Митина любовь» (Figaro. 1925. 22 décembre). Обстоятельства его встречи с Буниным «лет 15 тому назад» неизвестны.

⁶¹ что вы хотите? (франц.)

⁶² Бунин И. А. Дневники. С. 430.

⁶³ Бунин И. А. Записные книжки. С. 495.

ранее, Дантес возглавляет список людей, даты жизни которых Бунин хочет запечатлеть отдельно: «Дантес умер <в> 1895 г., проживши 83 года!»⁶⁴ (далее идут Бестужев (Марлинский), Грибоедов, Веневитинов, Мицкевич, Загоскин, Кольцов и т. д.). И в начале другой записной книжки, которую Бунин стал вести в 1947 году, он вновь возвращается к этой теме, теперь уже в более широком ракурсе: «Вдруг вспомнишь: мало того, что так дико погибли Лермонтов и Пушкин, — погиб еще и Грибоедов! Тут что-то не простое!»⁶⁵

Дневники и записные книжки Бунина самого конца 1930-х — первой половины 1940-х годов — наиболее полно сохранившееся пространство его размышлений о литературе и жизни. В эти годы Бунин пользуется библиотеками при русских церквях в Ницце и Каннах,⁶⁶ и его дневники наполняются выписками из «толстых» журналов второй половины XIX века («Русский вестник», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Вестник Европы»), произведений Тургенева, Толстого, Гоголя, Гаршина, Чехова, А. К. Толстого... Погрузившись в чтение, Бунин только в середине весны 1940 года, после почти полуторалетнего перерыва (окончания работы над «Ликой», завершающей частью «Жизни Арсеньева», и первыми рассказами будущих «Темных аллей»⁶⁷), «<с>тал присаживаться к письму <енному> столу».⁶⁸ Тогда же он в очередной раз пересматривает свой архив, перечитывает и уничтожает часть дневников — как будто чувствует, что заканчивается большой период его жизни, и еще не знает, что в новом, отягощенном войной и голодом, его ждет один из наивысших творческих взлетов. Перед отъездом из Грасса в Париж в мае 1940 года Бунин подводит итог своей работе над «Жизнью Арсеньева»: книга доведена им только до юности героя, и Бунин мучается тем, как можно и нужно ли вообще вести повествование дальше.

Он приезжает в Париж 9 мая, а на следующий день, 10 мая, Германия вторгается во Францию, и вся прежняя жизнь рушится на

---

⁶⁴ Бунин И. А. Записные книжки. С. 464. См. также беглую запись в дневнике от 30 апреля 1940 года: «Дантес, приехав в П<е>т<ер>б<ур>г (в 1833 г.) поселился “в Английском трактире на Галерной”» (Бунин И. А. Дневники. С. 240).

⁶⁵ Бунин И. А. Записные книжки. С. 545.

⁶⁶ См. упоминание о библиотеке в Ницце в письме к Б. К. Зайцеву от 12 декабря 1939 года (Новый журнал (Нью-Йорк). 1979. Кн. 136. С. 131), дневнике от 6 марта 1940 года (Бунин И. А. Дневники. С. 229) и записной книжке 1944 года (Бунин И. А. Записные книжки. С. 497), о библиотеке в Каннах — в дневниковой записи от 17 июля 1940 года (Бунин И. А. Дневники. С. 249).

⁶⁷ В 1937—1938 гг. были написаны «Кавказ», «Баллада», «Степа», «Муза», «Темные аллеи» и «Поздний час».

⁶⁸ Бунин И. А. Дневники. С. 231 (запись от 30 марта 1940 г.).

глазах. Лето проходит в общей панике и тревоге: вскоре после возвращения из Парижа Бунины в большом потоке беженцев уезжают из Грасса и скитаются по деревням близ Тулузы (западная часть страны казалась им безопаснее), затем, после признания Францией поражения (22 июня) и ее деления на северную оккупированную и «свободную» южную зоны, возвращаются в Грасс, на виллу «Жаннет», где проведут все военные годы. В июле 1940 года разворачивается «битва за Британию» (так назвал ее Черчилль) — жесточайшие бомбардировки ее германскими «авионами». Как и в 1919 году в Одессе, М. Алданов и М. О. и М. С. Цетлины зовут Бунина ехать с ними в Америку, но он чувствует, что этой новой, второй эмиграции ему уже не осилить. 1 сентября пишет: «Все-таки это правда — наступают *самые* решительные дни». ⁶⁹ Его дневник превращается в хронику военных действий, в которой отмечены воздушные бои у берегов Англии, бомбардировки англичанами Мюнхена, Лейпцига, Касселя, Берлина, Гамбурга, непрекращающиеся «алерты» в Лондоне, самый страшный из которых приходится на 7 сентября 1940 года: «Дым от пожаров в Англии виден с сев<ерных> берегов Франции». ⁷⁰

В этот же день Бунин записывает в дневнике: «Нынче ночью проснулся с мыслью, которая со сна показалась ужасной: “Жизнь Арс<еньева>” может остаться не конченной! Но тотчас с облегчением подумал, что не только “Евг<ений> Онегин”, но немало и других вещей Пушк<ина> не кончены, и заснул». ⁷¹

И еще через пять дней, 12 сентября, там же: «Леонардо да Винчи, переселившись в Милан, предлагал свои услуги Людовико Моро — между прочим в качестве скульптора и живописца: “во всем этом, светлейший государь, я могу делать все, что только можно сделать, — *по сравнению с кем угодно*”. Вот это я понимаю!» И далее с новой строки: «Пушкин незадолго до смерти писал: “Моя душа расширилась: я чувствую, что могу творить”». ⁷²

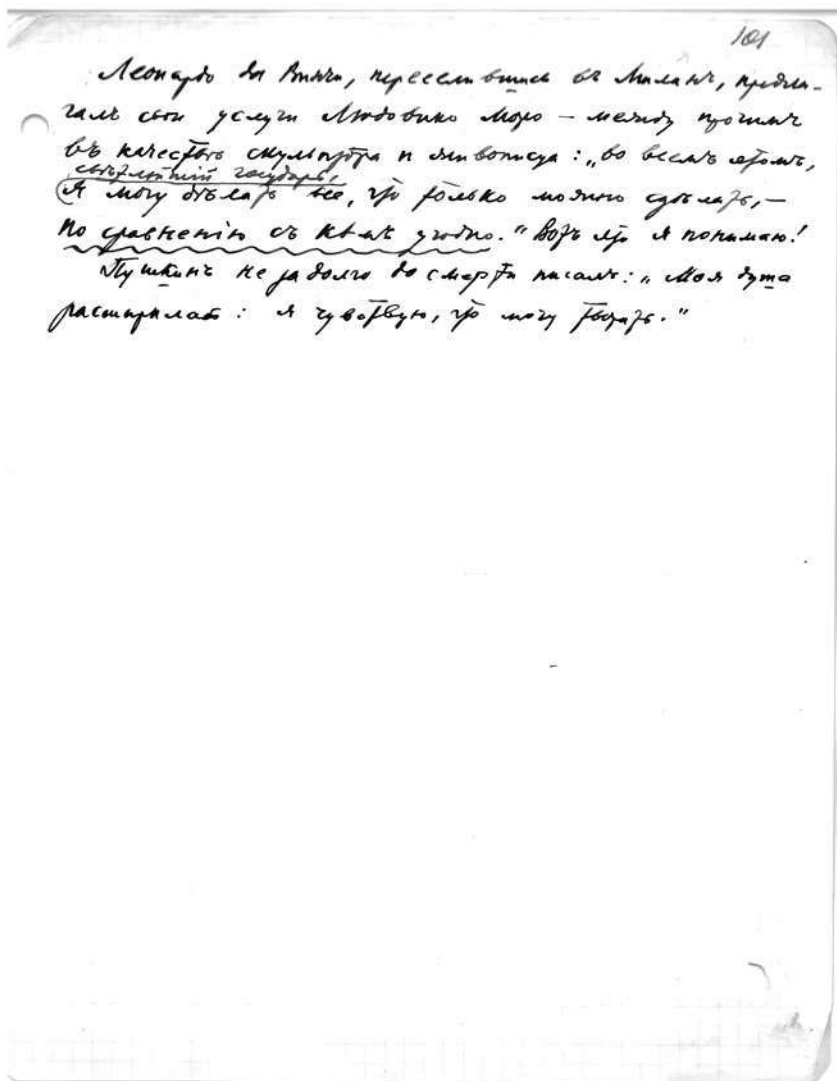
⁶⁹ Бунин И. А. Дневники. С. 256.

⁷⁰ Там же. С. 260 (запись от 9 сентября 1940 г.).

⁷¹ Там же. С. 259 (запись от 7 сентября 1940 г.). В «онегинской» орбите бунинских заметок сегодня особого внимания достойна запись 1-й половины 1940-х годов, поданная от лица то ли автора, то ли героя: «У него был в году только один престольный праздник: Татьянин день» (Бунин И. А. Записные книжки. С. 532).

⁷² Там же. С. 262. Слова Пушкина из письма к Н. Н. Раевскому, написанного по-французски в июле 1825 года («Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée, je puis créer», пер.: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить»). Бунин заимствует их, видимо, из речи И. С. Тургенева при открытии памятника Пушкину в 1880 году в Москве, опубликованной в журнале «Вестник Европы» (1880. № 7), который Бунин читал, скорее всего, в каннской библиотеке (ср.: Там же. С. 249).

Эти слова как нельзя более соответствуют его собственному состоянию: на осень 1940 года приходится новый виток стремительной работы над рассказами, которые позже войдут в книгу «Темные аллеи». 30 сентября Бунин скажет: «С месяц почти

И. А. Бунин. Страница дневника. 12 сентября 1940 г.
РАЛ. MS 1066/532

пишу не вставая, даже иногда поздно ночью, перед сном». ⁷³ Только за сентябрь—октябрь 1940 года им написаны «Руся», «Мамин сундук» (позднее заглавие «Красавица»), «По улице мостовой» (позднее заглавие «Дурочка»), «Волки», «Антигона», «Паша» (позднее заглавие «Гость»), «Визитные карточки», «Зойка и Валерия», «Таня», «В Париже», «Галя Ганская», 11 ноября закончен «Генрих» («Кажется, так удалось, что побегал в волнении по площадке перед домом, когда кончил»). ⁷⁴

Параллельно созданию этих и следующих рассказов заполнялись и страницы записных книжек. Среди многих иных записей личного и художественного свойства на них отражены размышления наедине с самим собой, факты из жизни людей пушкинского круга, оставлены выписки из сочинений, которые по созвучию ли с собственной судьбой, ⁷⁵ или как рабочий материал для своей творческой лаборатории, ⁷⁶ или из чистого восхищения перед далеким гением волновали Бунина в разные моменты его жизни. ⁷⁷

⁷³ Бунин И. А. Дневники. С. 265. См. также запись в дневнике В. Н. Буниной от 17 сентября 1940 года: «Третьего дня была оссиановская ночь, быстро неслась облака с запада, и мы с Яном представили, что делается над La-Manche (имеются в виду воздушные бои между Германией и Англией. — Т. Д.). Ян много что-то пишет. Слава Богу, не томится. В такие времена особенно проявляется личность человека. Он много, часто и хорошо говорит о том состоянии, куда зашла вся Европа. Что даст Европе юдофобство, диктаторы и все, что теперь творится» (РАЛ. MS 1067/410).

⁷⁴ См.: Бунин И. А. Дневники. С. 263—265.

⁷⁵ Так, например, вновь и вновь возвращаясь к крайне болезненному для него расставанию с Г. Н. Кузнецовой, роман с которой (как подчеркивается тут же) длился «целых 16 лет», Бунин прибегает к начальной строке стихотворения Пушкина «От меня вечер Леила...» (см.: Там же. С. 377).

⁷⁶ Самый яркий пример содержится в записной книжке, начатой в конце 1930-х годов, см.: Бунин И. А. Записные книжки. С. 453—454, 465—467 (коммент.). Выписывая разные, в том числе просторечные, слова и выражения из самых разных сочинений Пушкина, Бунин в другой записной книжке приведет его же слова из «Письма к издателю»: «Писать единственно разговорным языком — значит не знать языка» (Там же. С. 535; у Пушкина: «языком разговорным»).

⁷⁷ Отдельного упоминания заслуживают постоянные разговоры о Пушкине, их упоминания см. в дневнике В. Н. Буниной, например, 31 марта 1937 года: «Вечером у Рахманиновых. <...> Ян показал, как нужно читать Пушкина — сказки» (РАЛ. MS 1067/412); 13 февраля 1948 года: «Сегодня мы оба сидели у Ивановых <...> беседовали и о Бенедиктове, и о Пушкине, и о Лермонтове и почти не спорили. Восхищались «Путешествием в Эрзерум» <так!>, «Таманью»» (РАЛ. MS 1067/423; см. также: Бунин И. А. Дневники. С. 43; запись от 20 июня 1912 г. о перечитывании «Путешествия в Эрзерум») и т. д., не говоря о многих других источниках (письмах и воспоминаниях современников), сохранивших суждения Бунина о Пушкине.

Жуковский:

«Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?»⁷⁸

Вечное человеческое страдание! И мое постоянное теперешнее.
1.4.44. Grasse, A<lpes> M<aritimes>.⁷⁹

Ниже на той же странице еще одна запись о том, кого Бунин считал человеком, волею несправедливой судьбы лишенным общей с ним фамилии:⁸⁰ «Жуковский родился в 1783 г., умер 12 Апр<еля> 1852 г. — в 1 ч. 27 м. ночи в Баден-Бадене. Всего 69 лет».⁸¹ Сразу затем идет запись о датах жизни брата, сестры и жены Пушкина: «Брат Пушкина, Лев Серг<еевич>, прожил 46 лет. 1806—1852. Сестра, Ольга Серг<еевна>, по мужу Павлищева, умерла 2 мая 1868 г. Нат<алья> Ник<олаевна> родилась в 1812 г., ум<ерла> в 1863».⁸² И следом — рассуждение в защиту краткой лирической прозы, развернутое на примере стихов, которые представляют собой «целые рассказы» (среди них — «Для берегов отчизны дальней...») — «Почему же пишушим прозой не писать рассказы в 10, 20, 100 строк?»⁸³

Примерно к этому времени относится тот разговор Бунина с А. В. Бахрахом, фрагмент которого вынесен в эпиграф к нашей

---

⁷⁸ Строки из «Песни» В. А. Жуковского («Минувших дней очарованье...»). Бунин повторит их еще не раз: и в этой записной книжке (*Бунин И. А. Записные книжки. С. 476*), и в письме к Б. К. Зайцеву от 4 ноября 1944 года (см.: Новый журнал (Нью-Йорк). 1980. Кн. 138. С. 157).

⁷⁹ *Бунин И. А. Записные книжки. С. 471. Alpes Maritimes* — Приморские Альпы.

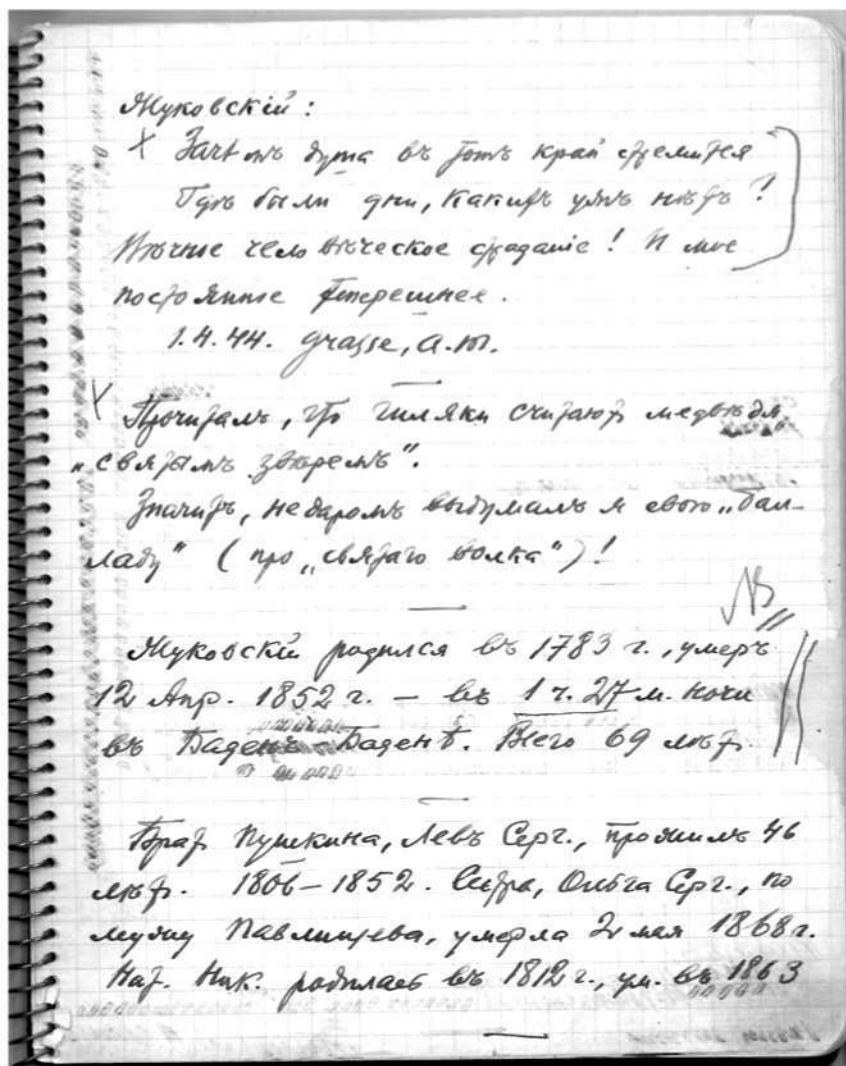
⁸⁰ В той же тетради, приводя первую строфу «Ночи» Жуковского («Уже утомившийся день...» и т. д.) — «Сколько прекрасного у Жуковского!» — Бунин добавляет: «Всю жизнь чувствовал я некоторую обиду, что из тысячи образованных русских людей разве, может быть, один знает, помнит, что никакой он не Жуковский, а Бунин» (*Бунин И. А. Записные книжки. С. 476*).

⁸¹ Запись дважды отчеркнута на полях и снабжена значком «NB»: судя по разным чернилам, Бунин обращался к ней, по крайней мере, трижды.

⁸² *Бунин И. А. Записные книжки. С. 471*. Все даты даны по старому стилю, которым (иногда наряду с новым) Бунин пользовался до конца жизни. Внимание Бунина к внешним событиям жизни и отдельным чертам облика Пушкина прослеживается и дальше, см. выписки, сделанные на последних страницах этой же записной книжки, вероятно, при чтении книги В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» (Там же. С. 498, 516 (коммент.)). В другом месте, иронически отзываясь на слова А. А. Ахматовой об И. Ф. Анненском как о «последнем из царскосельских лебедей», Бунин напишет: «Кто же были эти "лебеди"? Допустим, что одним из них был Пушкин, — ведь очевидно, что, прежде всего, именно о нем идет речь, — ну, а кто же такие прочие лебеди? По-моему, даже и Пушкин ничуть не был похож на лебедя, а что же сказать о прочих?» (Там же. С. 549).

⁸³ См.: Там же. С. 471–472.

статье. Бунин действительно перечитывает Пушкина вновь и вновь. Какие-то строки он заносит в тетрадь как образцы замечательной точности слова, с другими спорит, в третьих видит собственное отражение. Выписывая первые четыре строки из «Талисмана» («Там,

И. А. Бунин. Страница записной книжки.
1944 г. РАЛ. MS 1066/548

По свиданьям с тобой многою, во франк ищет
кн. Вяземская, Пушкина ищет сына
«Плохо, торопливо». А как уверяет
меня Лодасевич, что онъ «побль» акт!

Научитесь:

«Пушкина вблизи невисокъ роствъ,
шагъ, въ слово вступилъ виласан,
въ галудтнн мазами невьковешной
привлекательности...»

Думает, что это надобно вступить
попретъ.

Росъ Пушкина — 2 апр. 56.

Умеръ въ 2 г. 45 л. (29 янв. 37 г.).

А Сергій Львович (офен) умеръ въ
78 летъ! (1770 — 1848).

И. А. Бунин. Страница записной книжки.
1944 г. РAL. MS 1066/548

где море вечно плещет...» и т. д.), изумляется: «Что ни слово, то волшебство!»⁸⁴ В строках из «Каменного гостя» «Но когда / Пройдет пора: когда твои глаза / Впадут и веки, сморщась, почер-

⁸⁴ Там же. С. 492.

неют...» подчеркивает последние слова и восклицает: «Ни с кем не сравним! “И веки, сморщась, почернеют...”».⁸⁵ Вспоминая строку из стихотворения «Князю А. М. Горчакову» «Я счастлив был, не понимая счастья», соглашается: «Никогда не понимаешь вполне».⁸⁶ Можно было бы сказать, что Бунин погружен в свое прошлое, но нет, скорее, он всматривается в тот «магический кристалл», где прошлое становится единственно существующим, — момент перехода из одного времени в другое для него мучителен. Поэтому когда перед ним открываются строки «Найдем отраду, милый друг, / В туманном сне воспоминаний» (из стихотворения Пушкина «К Щербинину»), он отнимает от них восклицательный знак и противится: «“Отраду!” Нет, недаром есть даже молитва об избавлении от воспоминаний»⁸⁷ — и потом сочувственно выписывает строки из монолога Пимена «На старости я сызнова живу, / Минувшее проходит предо мною...» и т. д.⁸⁸ Пушкин может даже не называться прямо, но ясно, что в словах «Да, единственное достоверное — то, что в некий срок умру!»,⁸⁹ написанных Буниным непосредственно после цитаты из письма Пушкина Рылееву (см. выше, с. 19–20), звучит его личный ответ на пушкинское «Нет, весь я не умру...».

Большая часть приведенных здесь записей относится к 1944 году, когда только за май было создано пять рассказов «Темных аллей». Позже Бунин скажет: «“Декамерон” написан был во время чумы. “Темные Аллеи” в годы Гитлера и Сталина — когда они старались пожирать один другого».⁹⁰ Все они, в том числе и «Чистый понедельник», который Бунин назовет одним из лучших своих рассказов,⁹¹

⁸⁵ Там же. С. 489; у Пушкина: «Пора пройдет, когда etc».

⁸⁶ Там же. С. 474. К этому же кругу мыслей относится и выписка из зачеркнутых вариантов к «Русалке»: «Кто раз сказал: “я счастлив”, тот уж ведай, / Что близок, близок счастью конец» (Там же. С. 494).

⁸⁷ Бунин И. А. Записные книжки. С. 531. Записанная на клочке бумаги, эта молитва сохранилась в бунинском архиве: «Избави мя от многих и лютых воспоминаний. Утренняя молитва Иоанна Златоуста(го?) <так> к Пресвятой Богородице» (РАЛ. MS 1066/715 (180)). В записной книжке цитата из Пушкина оспаривается тут же приведенными финальными строками из его же стихотворения «Опытность»: «Смерть откроет гроб ужасный...» и т. д.

⁸⁸ Бунин И. А. Записные книжки. С. 536.

⁸⁹ Там же. С. 491.

⁹⁰ Надпись на экземпляре (вероятно, 2-го изд.: Paris, 1946), подаренном З. А. Шаховской, см.: Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. Paris, 1975. С. 158.

⁹¹ «Чистый П<онедельник>» — один из самых лучших моих рассказов, — из тех, за вымысел и написание которых я непрестанно благодарю Бога» (РАЛ. MS 1066/664). Следом в мае 1944 года были написаны рассказы «Пароход “Саратов”», «Камарг», «Сто рупий», «В одной знакомой улице».

28 Св 8 на 9. V. 44.

Савь ноги. Перелом нр стале —
стало готиса ро нис. ефиско. "Играю
пизу." Погалим стот, стирале окно
пропизиро кошафу — ки малтди. Фвиенту
Водула; Колмоуни, ков келркат,
тек долина во Жонкашенин Тумант,
далеко на горизонте келсиди розиваран
Глесте мирн, финина, микжак ствонсесо
малодой дровесной земли, кве-гит
шелкансе ^{пудоме} Солловева... То стогни, предли
мои силе дик мойи оунокон, стогтон
тризти во стон красото и во работо!

19. 5. 44.

2 1/2 часа том (пизаф, чме ки 14, а 15 мин)
Я ниско написале "Перестроу Саратра".
Откромь окно: Жил, финина, кве-гит
мирн. збевудн, Сарак ствонсесо

23. 5. 44

Писромк написале "По мрже"
От. фолдз кал том, кофн во зилон.

И. А. Бунин. Страница дневника. Май 1944 г. РАЛ. MS 1066/535

были написаны им на вилле «Жаннет», стоящей высоко над Грассом. Из окон его кабинета на втором этаже были видны и воздушные бои, и все учащающиеся налеты союзнической авиации, когда весь Грасс

и весь занятый тогда гитлеровцами Лазурный берег сотрясались от грохота. В ночь с 8 на 9 мая — редкое затишье, Бунин открывает дневник и пишет: «Час ночи. Встал из<-за> стола — осталось дописать неск<олько> строк “Чистого понед<ельника>”. Погасил свет, открыл окно проветрить комнату — ни малейш<его> движения воздуха; полнолуние, ночь неяркая, вся долина в тончайшем тумане, далеко на горизонте неясный розоватый блеск моря, тишина, мягкая свежесть молодой древесной зелени, кое-где щелканье первых соловьев... Господи, продли мои силы для моей одинокой, бедной жизни в этой красоте и в работе!»⁹²

Не «пир во время чумы» проживает он, когда война грозит ему гибелью, — сосредоточенность всех душевных сил и благодарное согласие с вложенным в него свыше замыслом ведет его руку. Именно в этом, «светлом (пушкинском каком-то) настроении» Бунин провел самые страшные, опасные и бедственные годы своего последнего творческого расцвета.

---

⁹² Бунин И. А. Дневники. С. 417.